

Владимир Корнилов

ВОЛЬНАЯ
ПОЭЗИЯ
РОССИИ

Dobro zut

Tamper

dos broda.

21. srpna 2000⁹.

Владимир Корнилов

ВОЛЬНАЯ
ПОЭЗИЯ
РОССИИ

Прогресс-Плеяда
МОСКВА
2000

РУССКИЕ ПОЭТЫ

ББК 87Р7-5

К 67

Владимир Корнилов

Вольная поэзия России. — М., Прогресс-Плеяда, 2000. — 48 с.

Слово поэта о поэте и поэзии, братство поэтов, поклонение поэзии — родовая черта русской поэтической культуры, Пушкинская традиция русской Музы. И она продлится, «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит», вдохновенный творец и ценитель поэзии. «Товарищи по чувствам, по перу» (Сергей Есенин) окликают друг друга в веках и просторах. «Шум стихотворства и колокол братства, И гармонический проливень слез» (Осип Мандельштам) неразделимы. Тому свидетельство и лирическая книга Владимира Корнилова «Вольная поэзия России» — цикл признаний в любви к собратьям и предтечам.

На фронтисписе: Владимир Корнилов.

Рисунок Екатерины Корниловой, 1973

Редактор *В. П. Балашов*

Редактор издательства *А. И. Варавицкая*

Художник *Д. С. Мухин*

Компьютерная верстка *Е. В. Левина*

ISBN 5-93006-011-8

© Владимир Корнилов. Состав, 2000

© «Прогресс-Плеяда», 2000

БИБЛИОТЕКА МОИХ ДНЕЙ

«Издравле сладостный союз..»

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.

А. С. Пушкин. К Языкову
Михайловское, 1824

Вольная поэзия
России

От автора

Эта небольшая книга возникла непреднамеренно. Вошедшие в нее стихи я писал на протяжении полувека. Собранные вместе, они оказались признанием в любви.

ЛИРИКА

Смысл и честь России — лирика!
Ведь — куда глаза ни кинь —
Ты воистину великая
Средь бесчисленных святынь!

От Державина до Слуцкого,
Каждой власти не мила,
Падчерицей непослушную
Два столетия была.

То вразброд, а то лавиною,
Шла, сломав державный строй,
И при том неуловимую
Удивляла красотой.

То вселенский гром затеявши,
То слышна едва-едва,
То восторженна, как девушка,
То печальна, как вдова.

А вокруг — без края мерзости,
И любое дело — швах,
Небо — в беспросветной серости,
А держава — сплошь впотьмах;

И ни крика и ни выкрика —
Немота да нищета...
Но зато какая лирика,
Жалкой жизни не чета.

1997

КОЛОКОЛА ДЕРЖАВИНА

Колокола Державина,
Звонче вас, громче нет!
Бьете неподражаемо
Вот уж две сотни лет.

Не серебро, не золото —
Просто глагола медь,
Но еще долго молодо
Вам после всех греметь.

Яростна ваша жалоба,
Радость, хвала, хула,
Колокола Державина,
Страсти колокола!

Дыбой, кнутом и ядрами
Волю прогнали прочь,
Но отчего-то ямбами
Заговорила ночь,

Может, всего не ведая,
Может, и о другом,
Но целых два столетия
Не умолкает гром.

1988

МИХАЙЛОВСКОЕ

Александр его удалил
В Кишинев, а потом в поместье,
И свободу одарил,
Уберег от уколов чести.

Мог в столице к полкам пристать
(Кто б его уберег от сглазу?!) —
И тогда писать-рисовать
Воспретили бы, как Тарасу.

И какая бстряслась беда
Для России — не думать лучше...
А когда б не пошел туда,
Сам извел бы себя, замучил.

...В Петропавловке жестко спать,
Если каешься без оглядки,
А в Михайловском тишь да гладь,
И с опального взятки гладки.

1987

НАКАЗ

Будь мужчиной и молчи.
Будь, хоть нелегко.
Горя словом не мельчи,
Хоть и велико.

Ткнись в подушку головой
И молчи, пока
Безнадежная любовь,
Как трава, горька.

Грозных молний не мечи,
Пей невкусный чай.
Будь мужчиной и молчи,
Тютчева читай.

1960

ЛЕРМОНТОВ

Дорога вьется пропыленной лентою,
То вверх ползет, то лезет под откос,
И засыпает утомленный Лермонтов,
Как мальчик, не убрав со лба волос.

А солнце жжет. И, из ущелья вынырнув,
Летит пролетка под колесный шум,
Под горный шум, под пистолет Мартынова
На молниями играющий Машук.

...Когда с собой приносишь столько мужества,
Такую злобу и такую боль, —
Тебя убьют, и тут-то обнаружится,
Что ты и есть та самая любовь.

Тогда судьба растроганною мачехой
Склоняется к простреленному лбу,
И по ночам поэмы пишут мальчики,
Надеясь на похожую судьбу.

1948

СОЖАЛЕНИЕ

Не прожекторов-химер,
Старость — время ответа!..
Зря не взял я в пример
Афанасия Фета.

Фет, помещик Шеншин,
Враг ленивых и сирых,
Верил в общий аршин,
Хоть был истинный лирик.

И любил, и страдал,
Но при хаосе сердца
Умножал капитал
С жаром землевладельца.

Обустроив село
И посмертную славу,
Был от мира сего,
А не жил на халяву.

1993

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Счастлив ли Иннокентий Анненский,
Непризнания чашу испивший,
Средь поэтов добывший равенство,
Но читателя не добывший?

Пастернак, Маяковский, Ахматова
От стиха его шли и шалели
От стиха его скрытно богатого,
Как прозаики – от «Шинели».

Зарывалась его интонация
В скуку жизни, ждала горделиво
И, сработавши, как детонация,
Их стихи доводила до взрыва.

...Может, был он почти что единственным,
Самобытным по самой природе,
Но расхищен и перезаимствован,
Слышен словно бы в их переводе.

Вот какие случаются странности,
И хоть минуло меньше столетья,
Счастлив ли Иннокентий Анненский,
Никому не ответить.

1987

БЛОК

Все рейтинги я отверг,
Какой в них и толк, и прок?..
Двадцатый окончен век,
И первый поэт в нем — Блок.

Метели, гибель и мрак,
И воля влекли его,
И появлялось так
Гармонии вещество.

Овладевали им
То Сатана, то Бог,
Однако неукротим
Остался несчастный Блок.

Вселенский не поднял ор,
Когда именье сожгли.
И голоден, проклят, хвор,
Не бросил родной земли.

Завистниц был целый полк,
Завистников — два полка...
И все-таки только Блок
Поднялся под облака.

1999

СЛОВО

*Памяти
Велимира Хлебникова*

Сущего первооснова,
Хоть не кислород-азот,
И при том уйти готово
Далеко за горизонт.

Бездорожье и дорога,
Ты в чреде любых эпох
У убогого — убого,
А у щедрого — как Бог.

И, достойное упреков
За бесплодность мятежей,
За пророчества пророков
И ничтожество вождей,

Ты столетия в ответе
За свершенья и за бред:
Ведь на целом белом свете
Ничего сильнее нет.

И от края и до края
Отданы тебе не зря
Твердь небесная, земная,
Океаны и моря.

Не под силу отморозкам
Затереть тебя до дыр:
Слово управляет мозгом, —
Завещал нам Велимир.

1997

ГУМИЛЕВ

Три недели мытарилась,
Что ни ночь, то допрос...
И ни врач, ни нотариус,
Напоследок — матрос.

Он вошел черным парусом,
Уведет в никуда...
Вон болтается маузер
Поперек живота.

Революция с *гидрою*
Расправляться велит,
То наука не хитрая,
Если схвачен пиит.

...Не отвел ты напраслину,
Словно знал наперед:
Будет год — руки за спину
Флотский тоже пойдет,

И запишут в изменники
Вскорости кого хошь,
И с лихвой современники
Страх узнают и дрожь.

...Вроде пулям не кланялись,
Но зато наобум
Распинались и каялись
На голгофах трибун,

И спивались, изверившись,
И не вывез авось...
И стрелялись, и вешались,
А тебе не пришлось.

Царскосельскому Киплингу
Пофартило сберечь
Офицерскую выправку
И надменную речь.

...Ни болезни, ни старости,
Ни измены себе
Не изведал и в августе,
В двадцать первом, к стене

Встал, холодной испарины
Не стирая с чела,
От позора избавленный
Петроградской ЧК.

1967

АННЕ АХМАТОВОЙ

Ваши строки невеселые,
Как российская тщета,
Но отчаянно высокие
Как молитва и мечта,

Отмывали душу дочиста,
Уводя от суеты,
Благородством одиночества
И величием беды.

Потому-то в первой юности,
Только-только их прочел —
Вслед, не думая об участи,
Заколдованный пошел.

Век дороги не прокладывал,
Не проглядывалась мгла,
Бога не было, Ахматова
На земле тогда была.

1961

ПОХОРОНЫ ПАСТЕРНАКА

Мы хоронили старика,
А было все непросто.
Была дорога далека
От дома до погоста.

Наехал из Москвы народ,
В поселке стало тесно,
А впереди сосновый гроб
Желтел на полотенцах.

Там, в подмосковной тишине,
Над скопищем народа,
Покачиваясь, как в челне,
Открыт для небосвода,

В простом гробу, в цветах по грудь,
Без знамени, без меди,
Плыл человек в последний путь,
В соседнее бессмертье.

И я, тот погребальный холст
Перехватив, как перевязь,
Щекою мокрою прирос
К неструганному дереву.

И падал полуденный зной,
И день склонялся низко
Перед высокой простотой
Тех похорон российских.

1963

ИЛИАДА

«Бессонница. Гомер...» Я не читал Гомера
Ни в поздней старости, ни в детстве по складам.
Однако объяснил, что эпос — не химера
Совсем не сказочник, а Осип Мандельштам.

Он список кораблей с собой унес в могилу,
Которую доньше не нашли,
Но лирика его мне заменила
Великое сказание земли.

1999

ВЕРСИЯ

Проживи подольше Маяковский,
Не было бы: «Был и остается
Лучшим и талантливейшим...» Козни
Истребили бы первопроходца.

«Десять лет без права переписки» —
И тогда бы близкие гадали:
Пропадает бедолага близко
Или замерзает в Магадане?

Получился бы костер красивый!
Жгли б стихи как в чумном карантине,
А не то, чтобы вводили силой,
Как картошку при Екатерине.

Вы его ругаете научно,
Но припомните, по крайней мере,
Что казнил себя собственноручно
По отчаянью, а не по вере.

Так скажите вы ему: «Спасибо...»,
Так простите вы ему загибы,
Если не хотите — не читайте,
Но страданье все же почитайте.

1988

ЕСЕНИН

Слух прошел: «Второй Некрасов!...»
Но брехня и чепуха...
Для статей и для рассказов
Этот не впрягал стиха.

Душу радовали кони
И свиданки за селом,
И лукавые гармони,
И гармония во всем.

Правда, пил среди обормотов,
Но зато в работе всей
Нету стертых оборотов
Тягомотин и соплей.

Что ему журналов травля?
Сын задавленных крестьян
Барина из Ярославля
Победил по всем статьям.

Дар его был равен доле,
А стиху был равен пыл.
Знал он слово золотое
И сильнее себя любил.

Жизнь отдавши за удачу,
Миру, городу, селу
Загодя шепнул: «Не плачу,
Не жалею, не зову...»

1987

ЛЕТО ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОГО

Памяти Н. Заболоцкого

Оттепель в начале лета
Шла еще без остановки,
И сидел я у поэта
В домике на Хорошевке.

Я робел его, как мальчик,
А поэт глядел сердито
На огромный телеящик:
Там с Хрущевым спорил Тито.

Маршал гнул свое пребойко,
Не доверясь переводу.
И поэт спросил: «А сколько
У него в стране народу?

Восемнадцать миллионов?
Сотня нипочем такому...»
И взглянул неумиленно
Как безбожник на икону.

Я не понял эту фразу.
Мне надеждой обольщаться
Так хотелось, что я сразу,
Потрясенный, стал прощаться.

...Лето пятьдесят шестого,
Самое его начало,
Так печально и жестоко
До сих пор не огорчало.

Господи, да что я, дурень,
Доказать хотел демаршем?
Ведь поэт поглубже думал —
Что ему заезжий маршал,

Оттепель и даже лето?..
Сердце все перестрадало
И предсмертно ныло где-то
В поле возле Магадана.

1989

СМЕЛЯКОВ

Не был я на твоём новоселье,
И мне чудится: сторблен и зол,
Ты не в землю, а вовсе на север
По четвертому разу ушел.

Возвращения и новые строки,
И своя, и чужая вина —
Все, чего не прочтешь в некрологе,
Было явлено в жизни сполна.

За бессмертие плата — не плата:
Светлы строки, хоть годы темны...
Потому уклоняться не надо
От сумы и еще от тюрьмы.

Но минувшее непоправимо.
Не вернешься с поэмою ты
То ль из плена, а, может, с Нарыма
Или более ближней Инты.

...Отстрадал и отмаялся — баста!
Возвышаешься в красном гробу,
Словно не было хамства и пьянства,
И похабства твоих интервью,

И юродство в расчет не берется,
И все протори — наперечет...
И не тратил свое первородство
На довольно убогий почет.

До предела — до Новодевички
Наконец-то растрата дошла,
Где торчат, как над лагерем вышки,
Маршалá, маршалá, маршалá.

...В полверсте от литфондовской дачки
Ты нашел бы надежнее кров,
Отошел бы от белой горячки
И из памяти черной соскреб,

Как ровняли овчарки этапы,
Доходяг торопя, теребя,
Как рыдали проклятые бабы
И, любя, предавали тебя...

И совсем не как родственник нищий,
Не приближенный вдруг приживал,
А собратом на тихом кладбище
С Пастернаком бы рядом лежал.

1972

СЛУЦКИЙ

«Удивляйте, а не эккерманьте», —
Слуцкий говорил, а я дерзил:
«За другими не таскаю мантий.
Мне себя тащить не хватит сил».

«Вы меня давно не удивляли», —
Слуцкий огорчал, а я молчал
И потом с тоской об идеале
Вновь скрипел зубами по ночам.

Друг мой славный, друг мой самый лучший,
Для себя познавший волшебство,
Взял с собой свои секреты Слуцкий,
И попробуй догони его!

А ведь я б их сразу прикарманил...
И себя ругаю: «Эх, дебил,
Что же ты за ним не эккерманил,
Если все равно не удивил?»

1988

СОЛЯНКА

Пятидесятых конец.
Шестидесятых начало.
Межирова не качало —
Он затворился, гордец.

Ежели невмоготу
Станет, пойду спозаранку
К Межирову на Солянку
И полпоэмы прочту.

Там, на шестом этаже,
Спросит меня: «Где же чудо?»
Ссориться, спорить не буду,
Мне и разнос по душе.

Обзаведусь ли стихом
Личным, своим — неизвестно.
.....
.....

Близко, в соседних подъездах,
Лет этак двадцать живем.

Долгие двадцать годов,
Радостно нам или туго,
Не навещаем друг друга
И не читаем стихов.

Но почему спозаранку,
Ежели невоготу,
К Межирову на Солянку
Сызнова память веду?

Что же стремлюсь, как помешанный,
В снежный предутренний дым?
Или смутил меня Межиров
Бешеным ритмом своим?

Вывернувшись наизнанку,
С жабой и мукой в груди,
Снова бреду на Солянку,
Словно бы всё впереди...

1988

ГИТАРА

Б. Окуджаве

Музыки не было, а была
Вместо нее — гитара,
Песнею за душу нас брала,
За сердце нас хватала.

И шансонье был немолодым,
Хоть молодым — дорога,
Но изо всех только он один
Лириком был от Бога.

Пели одни под шейк и брейк-данс
И под оркестр — другие,
А вот с гитары на нас лилась
Чистая ностальгия.

Был этот голос, словно судьба,
Словно бы откровенье,
Нас он жалел и жалел себя,
А заодно и время.

Пел свое, времени вопреки,
И от его гитары
Все мы, усталые старики,
Все же еще не стары.

1987

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Памяти Иосифа Бродского

В духоте чужого лета,
В атлантической тоске,
Некогда была пропета
Колыбельная треске.

Безнадежна и прекрасна,
Вся — повтор, как «Болеро»,
Через время и пространство
Пробирала мне нутро.

В ней, совсем, как у Равеля,
Вслед за темой волшебство
По спирали, не робея,
Шло до неба самого,

Грандиозно и толково,
Расширяясь каждый раз.
...Одиночества такого
Не встречал я отродясь.

И на родине, в неволе,
Тоже ненавидя сеть,
Понимал я, сколько боли
Надо, чтобы рыбам петь.

И меня, тоске на диво,
Для проклятого труда
Колыбельная будила,
Как архангела труба.

1996

МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия молодая,
Тебя еще нет почти,
Но славу тебе воздали
Не медля, твои вожди;

И те, лет кому семнадцать,
Кому восемнадцать зим,
Уверены: все — эрзацы,
И надо дерзать самим;

И надо смахнуть с насеста
Заевшихся стариков,
Преемственность и наследство,
И прочую смерть стихов.

Тут сразу без сиволдая
Закружится голова.
Поэзия молодая,
Наверное, ты права.

Но нынче поменьше к лире
Приставлено сторожей,
И ей одиноко в мире,
Свободнее и страшней.

И душу ободрить сиру
Пред волею и бедой
Навряд ли сейчас под силу
Поэзии молодой.

1987

РИФМА

Не владею белым стихом
Для себя, для своей работы.
Белый стих пополам с грехом
Истребляю на переводы.

Белый стих меня не берет
Ни в балладах, ни даже в песнях,
Не познал я его высот,
Не гулял в его тайных безднах.

Помню, в молодости с тоской,
Ошалелый и оробелый,
Я глядел, как наставник мой
Километры гнал пены белой.

Эти тысяч семнадцать строк,
А быть может еще поболее.
Я без рифмы жевать не мог,
Как жевать не могу без соли.

...Рифма, ты ерунда, пустяк,
Ты из малостей — микромалость,
Но стиха без тебя никак,
Хоть зубри, не запоминалось.

Рифма, ты и соблазн, и сглаз,
Ты соблазном и сглазом сразу
Отравляешь лирикой нас,
И несем ее, как заразу.

Рифма, нет на тебе креста,
Ты придумана Сатаною,
Но и жизнь без тебя пуста,
Хоть намучаешься с тобою.

1986

СУЕТА СУЕТ
(короткая поэма)

1

«Я иду с мечем судия», —
Есть перевертень. Зачем
Взад-вперед, туда и сюда
Ходить да еще с мечем?

В поэзии нужен меч,
Как в погребе — парашют.
Судить и головы сечь,
На кой ей, скажите, шут?

«Всё суета сует
И всяческая суета», —
Заметил царь и поэт,
Проповедник Екклесиаст.

Он был не энтузиаст,
Хоть жил Бог знает когда...

2

Шарканьем обернется бег
И ослабеет зренье —
Не разгляжу, как уйдет мой век
И чужое приспееет время.

А, впрочем, оно уже и сейчас
Чужое и, между прочим,
Порочит-клеймит уходящих нас,
А мы ему крах пророчим.

3

Бьет — будь неладно! —
То лбом, то по лбу...
В моем парадном
Взорвало бомбу,

И тут же, сразу,
В мгновенье ока
Не стало газу,
А также — тока,

Рвануло, смолкло —
И врассыпную
Швырнуло стекла
На мостовую.

4

Киллер, оставив след,
Умотал без следа.
Всё суета сует
И всяческая суета.

5

Ярмарка тщеславия —
Ловля душ:

Африка, Австралия,
Море, сушь,

Старый свет и Азия,
Новый свет —
Всюду безобразию
Краю нет;

Арктика с Антарктикой,
Даже льды,
Все пьяны от ярмарки
Суеты.

Всюду, всюду ярмарка
Пляшет всласть,
Так что негде яблоку
Там упасть...

А на нашей родине
Пляс иной,
Стал ее мелодией
Волчий вой.

Понеслась неистово
И в отрыв,
Миру правды-истины
Не открыв,

Вся в разбое, в рэжете,
В клевете...
Сдохли гуси-лебеди
В лебеде.

6

Следящий ветер — не сеет,
Следящий тучи — не жнет...

Пока он всю глазеет,
Внутри, как от углей, жжет.

Живого не сыщешь места,
Под кожей трещит скелет.
Но всё это, как известно,
Одна суета сует,

Одно томление духа...
И, жизнь стянув до тире,
Не лучше ли от недуга
Спуститься в небытие?

Живых — даже небо давит,
А мертвым — земля ничуть
Не в тягость, и каждый вправе
Уйти. Умереть. Уснуть.

Но тяжкое, видно, слаще,
И деснами харч жуешь,
И хворь свою дальше тащишь,
И вроде еще живешь.

7

И веришь с отвагой,
Со скорбью и гневом:
Время всякой
Вещи под небом;

Время соития
И разлуки,
Время строительства
И разрухи;

Время восхода,
Время заката,
Время свободы,
Время захвата;

Время подрясника
И чалмы,
Время праздника
И Чечни;

Время гонора
И покорства,
Время голода
И обжорства;

Время услады
И маяты,
Время распада
И Калиты...

8

Время подобно ветру —
Носится кругалём.
Скажут: амбивалентно... —
Мало чего пойдем.

Только душой изранясь,
Если не слеп, не глух,
Вдруг постигаешь странность
Времени — нрав и дух:

Лад и хаос, чёт-нечет,
Собранность и разброс,
Мощь, а еще увечье —
Многое в нем сплелось —

Вера и недоверье,
Тайна и пустыки...
И оттого всё время
Тянет писать стихи.

9

Не меч и даже не дрын
С гвоздем — вола погонять, —
В стихах лишь страсть и надрыв,
И прочая благодать:

Отчаянье, бред и жар,
Веселие и хандра,
И, если, как труп, лежал,
Поднимут тебя с одра.

Тому, кто любит стихи,
Они не дадут пропасть,
И даже скостят грехи —
Не все, так хотя бы часть...

Стихи не могут пасти,
Судить и головы сечь,
Но душу могут спасти
И совесть могут сберечь.

1996

ВОЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ

Вольная поэзия России,
Я тобой держался, сколько мог,
В боксах интенсивной терапии,
Из которой выдворяют в морг.

С маятою сердце не справлялось,
Но попеременно утешал
Тютчева и Лермонтова хаос,
Баратынского холодный жар.

Слава Богу, не ослабла память
Для твоих стихов и для поэм,
Оттого ни слова не добавить —
Я тебе давно обязан всем.

Ты нисколько не литература,
Ты моя награда и беда:
Темперамент и температура
У тебя зашкалены всегда.

Ты меня наставила толково,
Чтоб не опасался неудач
И с порога отвергал такого,
Кто не холоден и не горяч.

1997

СОДЕРЖАНИЕ

Лирика	11
Колокола Державина	12
Михайловское	13
Наказ	14
Лермонтов	15
Сожаление	16
Иннокентий Анненский	17
Блок	18
Слово	19
Гумилев	21
Анне Ахматовой	23
Похороны Пастернака	24
Илиада	25
Версия	26
Есенин	27
Лето пятьдесят шестого	28
Смеяков	30
Слуцкий	32
Солянка	33
Гитара	35
Колыбельная	36
Молодая поэзия	37
Рифма	38
Суета сует (<i>короткая поэма</i>)	40
Вольная поэзия России	46

БИБЛИОТЕКА МОИХ ДЕТЕЙ

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Владимир Николаевич Корнилов

ВОЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ

Литературно-художественное издание

Объединение П Л Е Я Д А

при издательстве ПРОГРЕСС

119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Гл. редактор С. С. Лесневский

тел. 246-44-18

Лицензия на издательскую деятельность

Л.Р. № 065827 от 20 апреля 1998 г.

Сдано в набор 21.11.99. Подписано в печать 27.12.99.

Формат 70х100/32. Объем 1,5 п.л.

Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

ОАО типография «Новости»

107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

